

Секция 3. Проблемы лингвистики в XXI веке

УДК 81'344

Андронов А.В.
СПбГУ, г. Санкт-Петербург
Andronov A.V.
SPbSU, St. Petersburg
baltistica@gmail.com

**Морфологическая и фонологическая типология:
вопросы соответствия и минимальных линейных фонологических единиц***
**Morphological and phonological typology:
questions of correspondence and minimal linear units**

Аннотация: Рассмотрение сингармонизма как супraseгментного признака предполагает исключение соответствующего различия из системы фонем: передний и задний ряды при сингармонизме трактуются как дизный и недизный регистровые тоны целого слова. Такой подход открывает возможности сопоставления сингармонистических систем с поликацентными. Обосновывается необходимость дополнения типологии минимальных линейных фонологических единиц, соотносящейся с морфологическими типами языков: помимо фонем во флективных языках и силлабем в изолирующих языках следует выделять особую категорию таких единиц для агглютинативных языков.

Abstract: The article discusses some aspects of sound harmony which is regarded as a suprasegmental feature, rather than a phonemic distinction, the front and back rows of sound harmony represented by sharp and flat register tones of the entire word. The system, thus presented, is similar to that of pitch-accent languages with contour tones. Such an approach reveals certain lacunae in phonemic theory, which suggests that a special 'unit of segmentation' typical of agglutinative languages can be discerned, besides the phoneme of the fusion languages and the syllabeme of the isolating languages.

Ключевые слова: языковая система; лингвистическая типология; фонология; морфология; фонема; сингармонизм; супraseгментные признаки.

Keywords: language system; linguistic typology; phonology; morphology; phoneme; sound harmony; suprasegmental features.

Описание системы должно содержать информацию об образующих её единицах и их взаимоотношениях. Выявление языковой системы обычно представляется как результат анализа текста, который (анализ), состоит в

* При поддержке гранта Российского научного фонда № 16-18-02042.

решении трёх задач: выделение сегментов, установление их функционального тождества или различия, классификация полученных единиц на основе «релевантных признаков». Следует подчеркнуть, однако, что анализируется не непосредственно текст, а выдвигаемые исследователем гипотезы относительно его устройства: эти гипотезы – более или менее адекватные в зависимости от опыта и квалификации исследователя – в ходе анализа подлежат проверке, исправлению, уточнению (см. [1, 17–18]). Соответственно, истинной задачей лингвиста является изучение сознания носителя языка, что является отличительной чертой школы Л.В. Щербы [2, 261]⁷.

Понимание языка как сложной функциональной системы предполагает согласованность между его подсистемами, из чего следует невозможность описания одного компонента без внимания к строению другого. Последовательно развивая эту точку зрения, Щербовская фонологическая школа исходит из обязательности соответствия границ минимальных линейных единиц фонологии и морфологии: поскольку первые служат для создания экспонента вторых, естественно ожидать, что «звучковая оболочка» знаков состоит из целого числа единиц плана выражения. Таким образом, фонологическая сегментация является производной от морфологической сегментации⁸. Это положение даёт непосредственное основание для фонологической типологии: в зависимости от характера минимальной линейной фонологической единицы (МЛФЕ) принципиально противопоставляются «фонемные» и «слоговые» языки: в первых экспонент морфемы может состоять из нескольких МЛФЕ (= «фонем», в общем случае являющихся элементом экспонента морфемы), во вторых – он включает не более одной МЛФЕ (= «силлабемы») ⁹. Эти фонологические типы коррелируют с традиционно выделяемыми морфологическими типами языков по

⁷ Ср., однако, слова И.А. Бодуэна де Куртена: «Мы... читаем в душе обыкновенного человека, определяя свойственные ей взаимоотношения между отдельными элементами языкового мышления» [3, с. 104–105], а также отмеченную Е. Д. Поливановым необходимость «пользоваться субъективным методом в форме самонаблюдения объекта» [4, с. 147].

⁸ Совершенно неуместно усматривать в этом ограниченность метода ЩФШ (невозможность выделения привычных европоцентрической лингвистике фонем в языках, где нет морфемных границ между соответствующими звуками), ср. например, у А. Гирдяниса: «...Это ни в коем случае не означает, что и научные фонологические исследования должны останавливаться у такой искусственно проведённой границы» [5, с. 71]. Именно игнорированием данного фундаментального положения, видимо, можно объяснить столь скудные сведения о фонологической типологии в общих работах типологов (ср., например, классическую книгу Г.А. Климова, в которой (в связи с цитатой из В.М. Жирмунского) даже дважды повторяется комментарий об «известных трудностях включения в состав структурных признаков языкового типа характеристик фонологического уровня» [Климов 6, с. 18 и 208]; ср. также: «с самого начала собственно типологических исследований были неясны и перспективы возможности вовлечения в понятие типа характеристик фонологического уровня» [6, с. 33], «не приходится ожидать какой-либо координированности фонемной парадигматики языка с содержательным принципом, отображаемым на его более высоких уровнях» [6, с. 43] и др.).

⁹ Обычно противопоставление фонемных и слоговых языков формулируется, исходя из понятия слога: в слоговых языках нет морфем, меньших, чем слог и границы слога постоянны (невозможна ресиллабация) [7, с. 50; 8, с. 14–15]. Такое описание, однако, опирается на фонологически неопределённое понятие слога (определение слога как «минимальной произносительной единицы», может быть, и универсально, но явно не фонологично). В данной работе термин «слоговой» применительно к типу языка заключается в кавычки [9].

особенностям структуры слова¹⁰ – флективными и изолирующими соответственно. Не охваченным этой корреляцией характера МЛФЕ и особенностей морфологии остаётся третий морфологический тип – агглютинативные языки, хотя на особенности их фонологического устройства внимание было обращено ещё в XIX веке – в связи с выявлением сингармонизма как их характерной особенности (в трудах А. Шлейхера, И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.В. Радлова – см. обзор в [13, 72–75; 14, 329]), ср.: «не существует языков неагглютинативного типа, в которых развит сингармонизм» [15, 299] и подробное обсуждение в [14, 325–335]¹¹.

Агглютинативные языки занимают в известном смысле промежуточное положение между языками изолирующими и флективными – оно проявляется как в структурных особенностях, так и в историческом развитии: 1) с изолирующими языками агглютинативные сближает значительная самостоятельность морфемы, с флективными – наличие характерных многоморфемных комплексов (т. е. слов, точнее – обладающих меньшей степенью внутреннего единства «квазислов» [21, 131–135]); 2) хорошо известен переход языков от изолирующей стадии к стадии флективной через (нередко весьма и весьма продолжительный) период агглютинации. Естественно ожидать, что такое «промежуточное» положение проявляется и в фонологическом устройстве агглютинативных языков: экспонент морфемы в них может состоять из нескольких МЛФЕ, однако синтагматическое их выделение (при помощи критерия морфемной границы) более затруднительно, чем во флективных языках, а система этих единиц организована ограниченным числом фонологических признаков, то есть небольшое количество МЛФЕ функционирует в составе более протяжённых комплексов, оформленных признаками супрасегментными¹².

Наиболее типичным из этих супрасегментных признаков является уже упоминавшийся сингармонизм. Как известно, в прототипическом случае он касается не только гласных, но и согласных: например, продвинутость вперёд гласных сопровождается палатализованностью согласных – общий признак «дизности» (что не всегда находит отражение в орфографиях

¹⁰ О целесообразности сохранения традиционной морфологической классификации языков на флективные, агглютинативные и изолирующие (аморфные) см. [10], а также [11; 12].

¹¹ Как известно, возникновение сингармонизма в резьянских говорах словенского языка Бодуэном связывалось с влиянием соседнего агглютинативного венгерского. Интересный случай представляет латгальский язык, характеризующийся также сильным стремлением к согласованию фонем по дизности внутри слова (16, с. 30–31; 17, с. 15–16; 18, с. 141–142), а также праславянский, в котором сингармонизм был замкнут в пределах слога – ср. теорию группофонем В. К. Журавлёва [19]. (Здесь также некоторыми усматривается влияние агглютинативных языков – финно-угорских, тюркских [20, с. 254–256])

¹² Ср. также указание А. Джунисбекова, что – вопреки традиционному мнению – в казахском языке нет неслоговых морфем [22, с. 77–84]. Это согласуется с замечанием Л. Г. Зубковой: «Если знаменательная морфема только „временно“ соединяется с другой знаменательной или служебной морфемой и может употребляться самостоятельно, как, например, в классических агглютинативных и изолирующих языках, то она должна быть слоговой. Если же знаменательная морфема постоянно выступает в связанном виде, в соединении со служебными морфемами и не употребляется самостоятельно в качестве фразового слова, то слоговая форма для неё совсем не обязательна» [23, с. 130].

сингармонистических языков: ср. казах. *kitan* [к'ит'еп'] 'книга'). Совершенно справедливой представляется формулировка Н.Ф. Яковлева: «...В этих языках <туркменский, казахский, киргизский и др.>... не может быть установлено ни отдельных твёрдых, ни отдельных мягких, как гласных, так и согласных фонем. Признак твёрдости точно так же, как и признак мягкости, служит не для различения кратчайших звуковых моментов речи – фонем, но для различения целых слов, для выделения целых слов в речи, для выделения в ней границ этих слов» [24, 61]. Такое понимание объясняет и психолингвистическую возможность появления сингармонистической графики А. Байтурсынова для казахского языка – обозначения ряда отдельным знаком, относящимся ко всему слову, вместо различных букв для «парных» гласных и (или) согласных (подробнее см. 13; 25, 259–261).

Для материала киргизского языка, характеризующегося последовательным сингармонизмом по признакам ряда (дизности) и огубленности (бемольности)¹³, возможна фонологическая интерпретация, исходящая из наличия релевантного противопоставления лишь двух гласных – узкой и широкой (различием гласных по долготе в данном случае можно пренебречь): обе гласных претерпевают аллофоническое варьирование, обусловленное тоном всего слова, причём дизный тон обуславливает переднерядные аллофоны [e], [i] (не фонемы!), бемольный – огубленные [o], [y], совмещение обоих тонов даёт [ø], [y]; в аллофонах согласных наблюдается та же дизность (= палатализованность) и бемольность (= лабиализованность). Эту фонологическую интерпретацию иллюстрируют следующие примеры, взятые из [27, 72] (в качестве «основных» для гласных выбраны обозначения *a* и *y* (из соображений простоты артикуляции, ср. [28, с. 3]; о фонологической проблематике маркированности см. ниже); индекс ¹ обозначает дизный тембр слова, индекс ^w – бемольный тембр, комбинация индексов (^{1w}) – совмещение дизного и бемольного тембра).

	-лар (plur.)	-ны (асс.)
<i>ата</i> 'отец' = /ата/	<i>ата-лар</i> = /ата-лар/	<i>ата-ны</i> = /ата-ны/
<i>эне</i> 'мать' = /эана/	<i>эне-лер</i> = /эана-лар/	<i>эне-ни</i> = /эана-ны/
<i>тоо</i> 'гора' = / ^w таа/	<i>тоо-лор</i> = / ^w таа-лар/	<i>тоо-ну</i> = / ^w таа-ны/
<i>төө</i> 'верблюд' = / ^{1w} таа/	<i>төө-лөр</i> = / ^{1w} таа-лар/	<i>төө-нү</i> = / ^{1w} таа-ны/
<i>жакшы</i> 'хороший' = /жакшы/	<i>жакшы-лар</i> = /жакшы-лар/	<i>жакшы-ны</i> = /жакшы-ны/
<i>киши</i> 'человек' = /кышы/	<i>киши-лер</i> = /кышы-лар/	<i>киши-ни</i> = /кышы-ны/
<i>туу</i> 'знамя' = / ^w ты/	<i>туу-лар</i> = / ^w ты-лар/	<i>туу-ну</i> = / ^w ты-ны/
<i>түлкү</i> 'лисица' / ^{1w} тылкы/	<i>түлкү-лөр</i> = / ^{1w} тылкы-лар/	<i>түлкү-нү</i> = / ^{1w} тылкы-ны/

¹³ В фонетике, как известно, дизность и бемольность (в отличие от музыки) являются независимыми признаками, допускающими совмещение в одной единице [26, с. 195–197].

Интересно, что при узком гласном в корне и широком гласном в суффиксе бемольная огласовка распространяется на всё слово только в сочетании с дизной (*тулку-лөр*), в отсутствие дизной огласовки бемольность ограничивается корнем (*туу-лар* вместо ожидаемого ***туу-лор*). В. А. Богородицкий предполагал, что «быть может бóльшая лабиализующая сила корневых *Ö* и *Û* (по сравнению с *O* и *U*. – А. А.) должна быть поставлена в связь с комбинаторным характером их артикуляции, одновременно губной и палатальной, то есть при наличии стойкого палатального сингармонизма получает бóльшую устойчивость и силу и приводящий губной сингармонизм» [28, 17, сноска]. Представляется, что скорее ситуацию надо рассматривать с точки зрения маркированности членов тональной оппозиции и усматривать здесь свидетельство в пользу того, что исходной, немаркированной огласовкой является дизная. В таком случае «сдвиг» гласного в задний ряд уже оказывается определённой нагрузкой, которая не позволяет реализоваться одновременному сдвигу в область огубленных. А.А. Реформатский называет этот случай «весьма странным», «тем более странным, что корневой [o] принуждает гласную аффикса лабиализоваться ... а „более сильное“ по лабиализации [y] – не заставляет» [29, 105]. Ситуация не вызывает такого удивления, если считать, что не лабиализованность фонемы /y/ играет здесь роль, а бемольный тон слова, задаваемый корнем: «силы» его хватает на модификацию одинаковых гласных корня и аффикса ([ы...ы] в [y...y] или [a...a] в [o...o]) и на модификацию широкого гласного корня и узкого гласного аффикса ([a...ы] в [o...y]), но не на модификацию узкого гласного корня и широкого гласного аффикса ([ы...a] в [y...o]) – тон корневой морфемы модифицирует её собственный гласный легче, чем гласный суффикса, и широкий гласный в тюркских языках и диалектах вообще менее подвержен лабиализации (как видно из схем В.А. Богородицкого [28]).

Таким образом, МЛФЕ киргизского языка предстают менее жёстко охарактеризованными: по сравнению с фонемами флективных языков – они имеют меньше фонологических признаков (подъём для гласных, место и способ образования для согласных), прочие привычные флективным языкам признаки киргизским МЛФЕ не принадлежат, являясь супraseгментными признаками уровня слова (ср. интерпретацию финского сингармонизма как акцентного средства у П. Гарда [30, 77–81]).

Поскольку сингармонизм противопоставляет две огласовки, то есть выполняет не только конститутивную (организующий признак слова), но и дистинктивную функцию (противопоставляет слова с разной огласовкой), сингармонистические языки можно сравнить с полиакцентными: подобно тому, как, например, в литовском различаются слоговые акценты (по реализации напоминающие контурные «тоны») – акут и циркумфлекс (*rūgti* ‘киснуть’ : *rūkti*

‘дымиться’), в киргизском различаются сингармонистические огласовки (т. е. регистровые «тоны») – дизная и недизная (*бел* ‘поясница’ : *бал* ‘мёд’)¹⁴.

«Освобождение» МЛФЕ от не принадлежащих им признаков восстанавливает единство фонологической системы сингармонистических языков, снимая проблемы, связанные с возникающим при иной трактовке разным набором гласных фонем в корневых и аффиксальных морфемах (например, [32, 6–7])¹⁵. На связь морфологического типа языка и особенностей фонологической системы применительно к тюркским и другим языкам в специальных работах указывали А. Джунисбеков [22, 4 et passim], М. Джусупов [13] и др. (ср., в частности, замечания Л. Г. Зубковой [23, 6, 128]), однако гипотеза о связи сингармонизма с особым типом МЛФЕ, как кажется, с достаточной ясностью не формулировалась. Данная гипотеза, разумеется, подлежит дальнейшей проверке.

Литература

1. Касевич, В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания / В.Б. Касевич. – М. : Наука, 1983. – 295 с.
2. Попов, М.Б. Фонетика современного русского языка / М.Б. Попов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 303 с.
3. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Об отношении русского письма к русскому языку / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – СПб. : Ред. журн. «Обновление школы», 1912. – 132, V с.
4. Поливанов, Е.Д. К работе о музыкальной акцентуации в японском языке (в связи с малайским) / Е.Д. Поливанов // Е.Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. – М. : Наука, 1968. – С. 146–155. (Впервые опубликовано в: Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. – Ташкент, 1924, № 4. – С. 101–108.)
5. Гирдянис, А. Теоретические основы литовской фонологии / А. Гирдянис. – Вильнюс : Eugrimas, 2014. – XVIII, 441 с.
6. Климов, Г.А. Принципы континентальной типологии / Г.А. Климов. – М. : Наука, 1983. – 224 с.
7. Касевич, В.Б.. Введение в языкознание / В.Б. Касевич. – М. : Academia; СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 229 с.
8. Бондарко, Л.В., Вербицкая, Л. А., Гордина, М.В. Основы общей фонетики / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина. – М. : Academia; СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 160 с.
9. Андронов, А.В. О природе фонологических сегментов и минимальных линейных фонологических единицах / А. В. Андронов // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной научной

¹⁴ О параллелях в системах сингармонистических и полиакцентных языков, в частности о фонетической реализации обоих типов «тонов» на всём слове, см. [31, с. 23–26].

¹⁵Ср., с другой стороны, описанную ранее Н.А. Баскаковым возможность сокращения вокализма тюркских языков до одной единицы [33, с. 19–21].

- конференции 28–30 октября 2016 года. – М.; СПб. : Нестор-История, 2016. С. 3–4.
10. Яхонтов, С.Е. О морфологической классификации языков / С.Е. Яхонтов // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.; Л. : Наука, 1965. – С. 93–99.
 11. Кацнельсон, С.Д. О понятии морфологического типа языка / С.Д. Кацнельсон // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.; Л. : Наука, 1965. – С. 107–108.
 12. Мещанинов, И.И. Агглютинация и инкорпорирование / И.И. Мещанинов // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.; Л. : Наука, 1965. – С. 245–246.
 13. Джусупов, М. Фонемография А. Байтурсынова и фонология сингармонизма / М. Джусупов. – Ташкент : Узбекистон, 1995. – 176 с.
 14. Мельников, Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Г.П. Мельников. – М. : Наука, 2003. – 395 с.
 15. Мельников, Г.П. О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма / Г.П. Мельников // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.; Л. : Наука, 1965. – С. 298–301.
 16. Брейдак, А.Б. О влиянии прибалтийско-финских языков на латгальский и селонский идиомы / А.Б. Брейдак // *Baltistica, II priedas*. Vilnius, 1977. – P. 26–35.
 17. Nau, N. A short grammar of Latgalian / N. Nau. – München: LINCOM GmbH, 2011. – 119 p.
 18. Андронов, А. В. [Рец. на кн.:] N. Nau. A short grammar of Latgalian. München : LINCOM GmbH, 2011. 119 p. / А. В. Андронов // Вопросы языкознания. – 2012. – № 4. – С. 139–145.
 19. Журавлёв, В.К. Теория группофонем: Развитие группового сингармонизма в праславянском языке / В.К. Журавлёв. – М. : URSS, Изд-во «ЛКИ», 2007. – 126 с.
 20. Shevelov, G.Y. A prehistory of Slavic: The historical phonology of common Slavic / G.Y. Shevelov. – Heidelberg : Winter, 1964. – XX, 623 p.
 21. Касевич, В. Б. Морфонология / В.Б. Касевич. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 161 с.
 22. Джунибеков, А. Просодика слова в казахском языке / А. Джунибеков. – Алма-Ата : Наука, 1987. – 91 с.
 23. Зубкова, Л.Г. Фонологическая типология слова / Л.Г. Зубкова. – М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1990. – 256 с.
 24. Яковлев, Н.Ф. Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории) / Н. Ф. Яковлев // Культура и письменность Востока. Кн. 1. – Москва : Центриздат народов СССР, 1928. – С. 41–64.
 25. Андронов, А.В. Графическое обозначение фонологических признаков как ориентир при совершенствовании алфавитного письма и свидетельство

- реальности фонологических категорий / А.В. Андронов // *Studi Slavistici* XIV (2017). – P. 253–274.
26. Якобсон, Р., Фант, Г. М., Халле, М. Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты. Гл. II. Опыт описания различительных признаков / Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле. // *Новое в лингвистике*. Вып. II. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 173–230.
27. Батманов, И.А. Современный киргизский язык. Вып. I [Фонетика] / И.А. Батманов. – Фрунзе: Издательство АН Киргизской ССР, 1963. – 166 с.
28. Богородицкий, В.А. Законы сингармонизма в тюркских языках / В.А. Богородицкий // *Вестник научного общества татароведения*, 1927, № 6. – С. 65–80. (ссылки даны по отдельному оттиску).
29. Реформатский, А.А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) / А.А. Реформатский // *Вопросы грамматического строя*. – М. Изд-во АН СССР, 1955. – С. 92–112.
30. Гард, П. Ударение / П. Гард. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. – 200 с.
31. Андронов, А.В. Фонологические заметки о «Фонологических заметках» / А.В. Андронов // *In Noqogem: Сборник статей к 90-летию А.Е. Супруна*. – Минск: РИВШ, 2018. – С. 18–29.
32. Баскаков, Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков / Н.А. Баскаков. М.: Наука, 1988. – 208 с.
33. Баскаков, Н.А. Тюркские языки (общие сведения и типологическая характеристика) / Н.А. Баскаков // *Языки народов СССР: в 5 томах. Т. II: Тюркские языки*. – М.: Наука, 1966. – С. 7–42.

УДК [81'42:82-83]:81'367.4

Гатина А.Э.

KPCY, г. Бишкек

A. Gatina

KRSU, Bishkek

gatina-ae@rambler.ru

**Синтаксическая номинация в структуре публицистических текстов
Ч. Айтматова**

**Ч. Айтматовдун публицистикалык тексттеринин курамындагы
синтаксистик номинация**

Syntactical nomination in the structure of Ch. Aytmatov publicistic texts

Аннотация: В статье анализируются синтаксические конструкции как номинации в тексте на примере публицистических текстов Ч. Айтматова.

«Национальные лингвосферы – сопредельные зоны партнерства»
(Ч.Айтматов)

**Кыргызский
национальный
университет
им.Жусупа Баласагына**

**Международная
ассоциация
преподавателей
русского языка
и литературы
(МАПРЯЛ)**

**Ассоциация
русистов
Кыргызстана
(ОКПРЯЛ)**

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 90-летию Чингиза Торекуловича Айтматова

**«Национальные лингвосферы – сопредельные
зоны партнерства» (Ч.Айтматов)**

24 – 26 октября 2018 г.

УДК 80/81
ББК 81
Н 35

Редакционная коллегия:

Сардарбек кызы Н., кандидат филологических наук, доцент –
ответственная за выпуск

Коротенко Г.Н., кандидат филологических наук, доцент

Дюшебекова Б.Т., кандидат филологических наук, доцент

Чепекова Г.С., кандидат педагогических наук

Н 35 «Национальные лингвосферы – сопредельные зоны партнерства»
(Ч.Айтматов) – Б.: 2018. – 336 с.

ISBN 978-9967-32-323-0

В настоящем сборнике представлены материалы Международной научной конференции «**Национальные лингвосферы – сопредельные зоны партнерства**» (Ч.Айтматов), посвященной 90-летию выдающегося писателя-мыслителя Чингиза Торекуловича Айтматова. Исследователи в статьях отмечают неисчерпаемую актуальность многогранного творчества Ч.Айтматова, стремящегося показать эволюцию сознания человека и условий его существования. Вместе с тем в тематический диапазон статей вошли и актуальные проблемы развития современной филологической науки. Сборник предназначен для широкого круга читателей.

Н 4602000000-18
ISBN 978-9967-32-323-0

УДК 80/81
ББК 81